

ФИЛОСОФИЯ ПОСТПРАВДЫ: КАК МЫ МОЖЕМ ПЕРЕОСМЫСЛИТЬ ПОНЯТИЕ ИСТИНЫ В ЭПОХУ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ И МАНИПУЛЯЦИЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

Полещук О. В., Ишеков А. М., студенты

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь*

Бархатков А. И. – канд. фил. наук, доцент

В статье рассматривается феномен постправды как кризис классического понимания истины. Анализируются основные характеристики эпохи постправды: приоритет эмоций над фактами, распространение фейков и падение доверия к экспертам. Проанализирована связь истины с властью и социальными практиками. Обосновывается необходимость пересмотра понятия истины как динамичного диалога, требующего развития критического мышления, медиаграмотности и эпистемической ответственности. Делается вывод о том, что постправда не отменяет истину, но меняет способы её обоснования в условиях цифрового общества.

Современное общество переживает острый кризис в сфере познания, в центре которого находится феномен постправды. Изначально этот термин был применен сербско-американским драматургом Стивом Тесичем в 1992 году, описывая сокрытие фактов и политические манипуляции, но истинный размах концепция получила только недавно. В 2016 году Оксфордский словарь выбрал слово «постправда» главным словом года [1]. Она была определена как ситуация, где эмоции и личные убеждения играют большую роль в формировании общественного мнения, чем объективные факты. Масштабное распространение фейковых новостей и упадок доверия к научному знанию актуализируют главную философскую дилемму: свидетельствует ли феномен постправды об окончательной утрате категории истины, либо же возникает необходимость ее концептуального пересмотра в изменившихся условиях [2].

Чтобы понять масштаб происходящих изменений, стоит обратиться к истории философии. Традиционное понимание истины опиралось на веру в то, что мир объективен и у человечества есть возможность его познать. Главной здесь была теория соответствия, которая идет еще от Аристотеля: истина – это точное совпадение наших суждений с реальными фактами материального мира. Также развивался подход, где истинность утверждения зависела от его строгой логической связи с уже накопленными знаниями. Позже философы-прагматики (например, Уильям Джеймс) сместили акцент на пользу: истина – это то, что эффективно работает на практике [3]. Вне зависимости от частных различий, классическая рациональность основывалась на признании истины как независимой от человека величины, выступающей в роли единого критерия действительности.

Переход к постправде ускорился в тот момент, когда повсеместное распространение интернета и развитие мировых медиа сделали производство информации массовым и бесконтрольным. В эпоху интернета социальные сети стали не просто каналами связи, а механизмами, которые сами создают нашу реальность. Алгоритмы цифровых платформ, ориентированные на максимальную вовлеченность, способствуют формированию изолированных информационных сред, в которых пользователь сталкивается преимущественно с контентом, подтверждающим его существующие установки. В такой среде ценность объективности падает, уступая место эмоциональному комфорту и популярности алгоритмов. Именно этот сдвиг, ярко проявившийся во время политических кризисов последних лет, и зафиксировал Оксфордский словарь, отметив вступление общества в новую сетевую эпоху.

Мощным катализатором развития эпохи постправды выступают когнитивные уязвимости самого субъекта познания. С точки зрения когнитивной психологии и социальной эпистемологии, процесс формирования убеждений опирается на дуальную систему мышления: ресурсосберегающую «дефолтную» и ресурсоемкую «критическую». Дефолтная система функционирует на основе ассоциаций, стремясь максимально сохранить уже имеющуюся систему базовых ценностей и убеждений субъекта, в то время как критическая система нацелена на объективную верификацию и пересмотр догм. Архитектура современных цифровых платформ, искусственно стимулирует именно дефолтную систему, блокируя доступ к диссонирующей информации. В этих условиях ярко проявляется «эффект обратного результата» – феномен мотивированного рассуждения, при котором столкновение субъекта с объективными фактами, противоречащими его политическим или мировоззренческим установкам, не разрушает, а напротив, лишь усиливает его веру в изначальную ложь. Таким образом, феномен постправды паразитирует на фундаментальной потребности человеческой психики в когнитивном комфорте и устранении когнитивного диссонанса, превращая субъекта в соучастника собственного обмана.

Эпоха постправды имеет несколько разрушительных характеристик. Во-первых, личные убеждения и эмоции теперь безоговорочно важнее фактов: эмоциональный отклик становится главным критерием правдивости сообщения. Во-вторых, целенаправленные манипуляции и создание фейков стали нормой и инструментом политического доминирования, а не просто случайными ошибками. В-

третьих, наблюдается небывалое обесценивание экспертного знания: общество открыто не доверяет ученым и профессионалам [4]. Как точно отмечает философ Ли Макинтайр, постправда – это не просто игнорирование фактов, а акт идеологического превосходства. Это сознательное подчинение реальности политическим мотивам, когда факты отбираются или отбрасываются только ради нужной повестки.

Философские предпосылки эпохи постправды были заложены задолго до появления интернета – в кризисе классической рациональности. Еще Ф. Ницше рассматривал истину как "иллюзию" и инструмент воли к власти, а мыслители-постмодернисты деконструировали претензии науки на объективность, провозгласив наступление эры "симулякров", где стирается граница между реальностью и вымыслом [5]. В этом контексте опора на концепт "режима истины" М. Фуко обнажает фундаментальный парадокс постправды: если истина всегда является лишь производной от социальных отношений и властных диспозиций, то объективной реальности никогда не существовало, а постправда – это не трагедия утраты фактов, а лишь демократизация борьбы за "модальную власть" на мета-уровне.

Однако принятие такого радикального релятивизма губительно для гносеологии. Разрешение этого парадокса возможно через обращение к политической философии Х. Арендт, разделявшей "истины разума" (идеологии, которые действительно конструируются властью) и "истины факта" (онтологический фундамент совместного существования людей). Постправда деструктивна именно тем, что переносит методы деконструкции власти на уничтожение самих упрямых фактов реальности, что в конечном итоге ведет к разрушению общего политического мира людей [6].

Преодоление этого эпистемологического тупика требует отказа от банальных призывов к медиаграмотности в пользу выработки новых механизмов верификации. Выходом становится формирование «зон обмена» – специфических площадок, где носители несоизмеримых парадигм и враждующих нарративов могут координировать действия и вырабатывать общий язык для решения конкретных проблем, даже не приходя к единой метафизической истине. На макроуровне это означает неизбежный переход к коммуникативной модели истины, в которой критерием достоверности становится не статичное соответствие фактам, а прозрачность процедур смыслового согласования в условиях intersubjectивного диалога.

Таким образом, эпоха постправды означает не полную гибель истины, а показывает, что старые представления о ней больше не работают, и требует новых подходов к познанию. В современном мире, где информация распространяется через всевозможные каналы, истина перестаёт быть чем-то незыблемым и независимым. Она становится сложным явлением, на которое влияют способы передачи информации, культурные особенности и политическая обстановка. Философия не может в ответ на это ни просто вернуться к старым догмам (рискуя навязать свою «единственно верную» истину), ни окончательно отказаться от самого понятия истины. Вместо этого современному человеку предстоит выработать новые способы отличать достоверное от ложного, опираясь на открытость общения, умение критически осмысливать информацию и чувство ответственности за свои суждения. В конечном счёте, постправда заставляет нас понять, что истина в XXI веке – это не застывшая догма, а живой процесс, постоянный диалог, в котором участники ищут взаимопонимание. Это требует от каждого из нас смелости мыслить самостоятельно и готовности слушать других, чтобы сохранить общее пространство для человеческого общения.

Список использованных источников:

1. Шевченко, А. А. «Постправда» как новый «режим истины» // *Гуманитарный вектор*. – 2019. – № 4. – С. 8-14.
2. Иванова, Е. В. Проблема истины в условиях постправды: философский анализ трансформации эпистемологии / Е. В. Иванова, Л. Б. Шубин, Е. В. Левченко, О. В. Филиппова, С. С. Усов // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. – 2025. – № 12. – С. 93-98.
3. Brahms, Y. *Philosophy of Post-Truth* / Y. Brahms // *INSS*. – 2018. – P. 1-19.
4. Масланов, Е. В. Постправда и несоизмеримость: наука и политика в эпоху постправды // *Вестник Томского государственного университета*. – 2023. – № 486. – С. 74-82.
5. McIntyre, L. *Post-Truth* / L. McIntyre. – Cambridge, MA : MIT Press, 2018. – 240 p.
6. Шейнов, Т. Постправда как неумеренная речь: философские подходы Х. Арендт и Л. Штрауса в современных дискурсах об истине и политике // *Социологическое обозрение*. – 2025. – № 2. – С. 31-57.